

РЕТРОСПЕКТИВА

*Виктор Вахштайн**

Памяти Ирвинга Гофмана

Представьте на минуту, что привычный для нас обиход научной коммуникации (включающий написание статей, выступления на конференциях, присутствие на защитах и следующих за ними банкетах) – не унылая фабрика по производству академической солидарности и не арена ожесточенной борьбы за символические ресурсы, а *сцена*, на которой ставится любительский спектакль сомнительного качества. Режиссер куда-то исчез, звезды сами пишут себе монологи, рабочие произвольно меняют декорации, актерские труппы состязаются в мастерстве, компенсируя недостаток публики избытком исполнителей. Театр абсурда? Но даже у абсурда есть своя логика. Людьми в этом герметичном мире сцены движет не стремление к достижению собственной выгоды и не вбитые в них социализацией установки, а непреодолимое стремление к самовыражению, представлению себя другим в ореоле исполняемой роли (так называемая «экспрессивная интенция»).

Однако для поддержания в зрителях специфической иллюзии реальности одной потребности в самовыражении и референции к собственному «Я» исполнителя мало. В монологах должны мелькать имена, события, «лейблы» (лучше всего «школы» и «направления»), латинизмы и оригинальные термины в скобках. На худой конец – цифры, доли и корреляции. Так исполнение приобретает магическое свойство репрезентативности: за слоем «выражения» (Ausdruck) обнаруживается слой «указания» (Anzeichen), игра актера не просто раскрывает зрителю сокровенные мысли автора, но придает этим мыслям дополнительный вес за счет пробуждения в памяти зрителя известных имен, событий, терминов и обстоятельств. Таким образом, обиход научной коммуникации требует от коммуницирующего одновременно навыков «управления впечатлениями» (пласт выражения) и «менеджмента в сфере памяти» (пласт указания).

Написание текста в рубрику «Ретроспектива» также предполагает владение подобного рода техниками напоминания и ассоциации. Самая надежная из них – отсылка к круглой дате, учредительному событию, юбилею, который устами исполнителя-аниматора настойчиво взывает к коллективной памяти. Итак...

...В 2007 году исполняется семьдесят пять лет со дня рождения и двадцать пять лет со дня смерти Ирвинга Гофмана, выдающегося исследователя повседневной жизни, классика мировой социологии, создателя теорий социальной драматургии и фрейм-анализа.

Фундаментальная теория – это прежде всего некоторый ресурс воображения. Центральная характеристика теоретической конструкции – «представимость» *мира ее средствами*. Наука, по справедливому замечанию Хайдеггера, «...сталкивается всегда только с тем, что допущено в качестве доступного ей предмета ее способом представления» [9], а потому пополнение арсенала способов представления, техник воображения и мышления – особая область теоретической работы.

Ирвинг Гофман никогда не занимался всерьез изучением обихода научной коммуникации (лишь в порядке исключения: несколько ироничных абзацев о презентации президентских посланий в его собственном президентском послании и не менее ироничный

* Вахштайн Виктор Семенович – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Центра фундаментальной социологии ИГИТИ ГУ-ВШЭ.

© Вахштайн Виктор, 2007.

© Центр фундаментальной социологии, 2007.

анализ устройства лекционного фрейма в лекции «Лекция»). И все же социологу нетрудно представить обиход науки в социально-драматургической перспективе благодаря инспирирующей театральной метафоре, предложенной Гофманом для изучения повседневной жизни. Уподобление социального мира театральному представлению (с авансценой и кулисами, исполнителями и публикой, секретами мастерства и правилами «хорошей игры») укоренилось как средство социологического воображения именно благодаря драматургическому анализу.

О влиянии Гофмана на социологическое воображение ярко свидетельствует та легкость, с которой исследовательская оптика его теорий «наводится на цель»: даже если под прицелом оказываются они сами. Это отличительное свойство всех гофмановских аналитических конструкций, выстроенных на фундаменте иронии, рефлексии и способности схватывать в теоретических построениях интуиции повседневного опыта¹.

... **Ирвинг Мануэль Гофман** родился в канадском городе Мэнвилль 11 июня 1922 г. Его родители, еврейские иммигранты из Украины, хотели видеть сына инженером-химиком и после окончания технической школы Св. Джона в 1939 г. Гофман поступил на химический факультет Университета Манитобы. Однако через несколько лет он вопреки воле родителей бросает обучение ради увлечения своего детства – кино – и перебирается в Оттаву, где в 1943-1944 гг. работает в Национальном комитете по кинематографии. (Любопытно, что единственная сестра Гофмана, разделившая с ним любовь к театру и кинематографу, стала впоследствии популярной канадской актрисой.) Приобретенный за эти два года опыт позднее окажется востребован им при создании теории фреймов – в исследовании организации повседневных взаимодействий Гофман уверенно ссылается на теоретиков кинематографии: В. Пудовкина, Б. Успенского, Б. Балаша.

Однако поначалу Гофмана привлекает не теория кинематографа, а практика «преображения» обычных атрибутов социальной жизни на экране. Обычных – потому что молодой Гофман занят в производстве рекламных роликов. Здесь нет панорамных сцен и дорогих декораций, зато в кадре – избыток предметов потребления и повседневного обихода. Вернее, предметов, *имитирующих* предметы потребления и повседневного обихода. Например, чтобы кружка с пивом на киноэкране выглядела как кружка с пивом, в нее следует налить не пиво, а глицерин, щедро добавив взбитой пены для бритья. Если же в нее налить «реальное» пиво – кадр получится «неубедительным»: при переходе от одного порядка реальности (повседневный мир) к другому (мир кинематографа) граница убедительного/неубедительного смещается. А потому кружка с глицерином – это «как бы» кружка с пивом, ее иконический знак, визуальная репрезентация, которая не может быть заменена самим референтом. (По справедливому замечанию В.Э. Мейерхольда, нарисованный на полотне портрет не станет убедительнее, если вырезать из него нос и заставить позирующего художнику человека просунуть свой собственный нос в образовавшееся отверстие.) В теории фреймов Гофман назовет это отношение *транспонированием*, пока же, работая в комитете по кинематографии, он впервые задумывается о проблеме связи «изображения» и «изображаемого» – проблеме, которая проходит красной нитью через все его работы.

Там же, в кинокомитете, Гофман знакомится с социологом Дэннисом Ронгом. Под его влиянием он поступает в Университет Торонто на факультет социологии и

¹ Последнее предложение в этом абзаце иллюстрирует нехитрый ход «переключения»: описывая социальную драматургию, мы экстраполируем свое описание сначала на весь гофмановский стиль теоретизирования, а затем и на характер самого Гофмана как теоретика. Биографам такой прием позволяет переходить от «выражения» к «указанию», маневрируя между творчеством автора, его личностью и исполнением собственной теоретической партии.

антропологии. Получив в 1945 г. диплом бакалавра, Гофман принимает решение продолжить образование в США и подает заявление в магистратуру знаменитого Чикагского университета.

Атмосфера послевоенного американского общества: эйфория победы, намечающийся экономический рост, молодые люди в поношенной униформе на улицах. Чикагский университет лихорадит от наплыва ветеранов, поступающих по «военным льготам». Количество студентов и магистрантов выросло в несколько раз, у профессоров не остается времени заниматься со своими дипломниками и аспирантами.

В этой среде Гофман долго не может себя найти и учится весьма скверно. Отношения с однокурсниками и преподавателями не складываются. (За язвительный характер, неуживчивость и сарказм однокурсники прозвали его «маленькой занозой».) На фоне стремительных социальных изменений некогда знаменитый факультет выглядит архаично, однако последнему поколению социологов Чикагской школы – к которому не без гордости относит себя Гофман – передается интерес к исследованиям повседневного мира, обнаружению в слое обыденного и очевидного новых тем социологического анализа. Впрочем, сам этот анализ, по воспоминаниям Гофмана, весьма эклектичен, но эклектика в Чикаго – скорее элемент исследовательского стиля, нежели следствие недостатка методологической рефлексии:

В 40-х, когда я был в Чикаго, можно было сочетать множество различных вещей: экологию, исследования социальной организации, классовый анализ с Уорнером и т.п. Но позже, когда Колумбийский университет взял верх и стал ведущим университетом – в основном благодаря Лазарсфельду – лазарсфельдовская методология начала доминировать в американской социологии... Затем Чикагский университет раскололся на две группировки: люди, которые отвергали количественные методы и люди, которые отвергали качественные. Однако в середине 40-х все делали все... [23, p.225]

Любопытно, что Гофмана на этапе учебы не захватывают идеи бурно развивающегося в этот период символического интеракционизма, которому на какое-то время суждено было стать «гражданской религией» факультета социологии Чикагского университета. (Хотя впоследствии Гофман неоднократно причислялся к интеракционистскому подходу авторами многочисленных учебников.) Из социологов-классиков Гофману наиболее интересными кажутся работы Дж. Г. Мида, А.Р. Рэдклифа-Брауна, Э. Дюркгейма и М. Вебера. Из современников – У. Уорнера и Э. Хьюза.

Собственно, благодаря Эверету Хьюзу и Уильяму Уорнеру Гофман начинает втягиваться в исследовательскую деятельность. Хьюз, канадец по происхождению, – один из наследников традиции Р. Парка, основатель «городской этнографии», внесший заметный вклад в социологию профессий. На семинарах Хьюза Гофман впервые слышит выражение «тотальный институт», ставшее впоследствии центральным концептом в его исследовании психиатрических клиник [5]. Позднее, в интервью Гофман свяжет влияние, которое оказал на него Хьюз, с традицией социальной психологии Дж. Мида:

...мой настрой [в отношении исследовательской практики] сформировался в Чикаго, где была сильна традиция Джорджа Герберта Мида подводить социально-психологическое обоснование под всякое исследование. Отсюда можно двигаться в любом направлении; одно из них развил Эверет Хьюз: что-то вроде социологии профессий и городской этнографии. И то, чем я занимался еще несколько лет назад – прежде, чем обнаружил нечто более интересное для себя в социолингвистике – было версией городской этнографии и мидовской социальной психологии... Так что, если мне все же нужно наклеить на себя «лейбл»,

«хьюзовская социология» была бы более подходящим определением, чем «символический интеракционизм».

Моя идеологическая позиция такова: то, что я делаю, – это структуральная социальная психология, которая естественна для социологии [23, p.214-217].

Если социолог-этнограф Э. Хьюз стал духовным наставником Гофмана, то социальному антропологу У. Уорнеру Гофман обязан темой своей магистерской диссертации: «Некоторые характеристики реакций на изображенные ситуации». Изучая с помощью теста тематической апперцепции аудиторию популярного в 40-х годах радиосериала «Большая сестра», Гофман подражает уорнеровскому исследованию восприятия «мыльных опер» домохозяйками. Впрочем, магистерская работа (по оценке самого Гофмана) оказалась неудачной, ее результаты им никогда не были опубликованы. Тем не менее при подготовке диссертации на степень доктора философии Гофман вновь обращается к сюжету, заимствованному у Уорнера. Вдохновленный легендарным уорнеровским исследованием городка Янки-Сити (г. Ньюберипорт, Массачусетс) Гофман ставит перед собой задачу детального описания повседневного поведения жителей небольшой и уединенной общины [8]. В 1949 г. он под видом американца, интересующегося сельским хозяйством, отправляется на шотландский остров Анст (Шетландский архипелаг). Впрочем, незнание сельского хозяйства выдает его с головой, местные жители начинают подозревать в нем советского шпиона.

В общей сложности Гофман проводит на острове одиннадцать месяцев между 1949 и 1951 годами. Дорабатывать диссертацию он уезжает в Париж, где погружается в гущу европейских философских дискуссий. (Написанные им в 50-х гг. работы изобилуют примерами, заимствованными у Ж.-П. Сартра и С. де Бовуар.) Вернувшись в США спустя два года, Гофман женился на Анжелике Шоэт (двадцатитрехлетней студентке факультета психологии), защитил диссертацию (по общему мнению, не слишком успешно) и стал отцом – в 1955 г. у него родился сын Том...

Гений У. Уорнера находил опору в его способности к последовательному и «тотальному» антропологическому наблюдению, позволившему проанализировать в единой понятийной сетке специфику классовой организации сообщества, межпоколенческой мобильности, повседневных ритуалов, пространственного размещения, резидентальных различий, политической организации, легитимированных нарративов, и т.д. Напротив, гений И. Гофмана – в умении сосредоточиться на отдельных, одновременно очевидных и незаметных, аспектах повседневной жизни небольшой общины, обнаружив в них проявления универсального социального порядка. Для Гофмана таким аспектом становятся распространенные среди островитян *практики «представления себя другим»*. В этих практиках, доказывает Гофман, находит выражение человеческое стремление к управлению впечатлениями о себе (impression management).

Когда к местному жителю [уроженцу Шетландских островов] заглядывает на чашку чая сосед, последний, проходя в дверь дома, обычно изображает на лице, по меньшей мере, подобие теплой ожидаемой улыбки. При отсутствии физических препятствий вне дома и недостатке света внутри его обычно имеется возможность наблюдать приближающегося к дому гостя, самому оставаясь незамеченным. Нередко островитяне позволяли себе удовольствие любоваться, как перед дверью гость сгоняет с лица прежнее выражение и заменяет его светски-общительным. Однако некоторые посетители, предвидя соседский экзамен, машинально принимали светский облик на далеком расстоянии от дома, тем обеспечивая постоянство демонстрируемого другим образа [6, с.39].

Наиболее явственно механика производства образов и управления впечатлениями проступает в театральном представлении: усилия всех исполнителей – а также декораторов, гримеров, рабочих сцены и режиссера – сосредоточены на поддержании некоторого общего «определения ситуации» (ключевой термин символического интеракционизма, который Гофман использует весьма вольно). Так рождается драматургический анализ – анализ повседневных взаимодействий в логике и метафорике театрального представления.

Свою первую книгу «Представление себя другим в повседневной жизни» (1956) Гофман начинает словами:

Эта книга представляется мне чем-то вроде учебника, где подробно разбирается один из возможных социологических подходов к изучению социальной жизни, особенно той ее разновидности, которая организована в ясных материальных границах какого-либо здания или заведения... Подход, развиваемый в данной работе, – это подход театрального представления, а следующие из него принципы суть принципы драматургические [6, с.29].

Благодаря «Представлению себя другим» понятия «исполнения», «реквизита», «труппы», «переднего и заднего плана», «веры в исполняемую партию», «выхода из роли» стали инструментами социологического анализа повседневного управления впечатлениями. В итоге, театральное представление оказывается источником еще нескольких инструментальных теоретических метафор, задающих перспективу исследования повседневной социальной жизни, конституирующих оптику ее изучения: «место как сцена», «общение как демонстрация», «повседневные артефакты как реквизит».

Драматургическая оптика покоится на различении «изображаемого» и «изображения», того, что «представлено», и того, что есть «на самом деле». Особый драматургический взгляд отличает и более ранние работы Гофмана, например, мы обнаруживаем его в статье «Символы классового статуса» [7] («на самом деле» это эссе, написанное им еще в Чикагском университете в качестве отчетной работы по курсу Эрнеста Берджесса, в 1951 г. опубликовано Британским социологическим журналом). Классовый статус – «настоящая» характеристика индивида – недоступен прямому наблюдению окружающими, однако «считывается» через наблюдаемые маркеры: одежду, сорт табака, лексику, прическу, украшения. Именно в силу скрытого, латентного характера «подлинного» качества, его изображения становятся объектами манипуляций, имеющих своей целью либо максимально подчеркнуть его, либо скрыть или вовсе «подделать». В 1953 г. в журнале по психиатрии публикуется статья Гофмана «Как привести жертву в чувство. Некоторые аспекты адаптации к неудаче»². В ней автор подробно разбирает техники, используемые уличными мошенниками для того, чтобы произвести на жертву впечатление, лишив ее желания идти в полицию. Задача мошенников – переопределить ситуацию и навязать жертве новое определение. Это исследование также организовано в рамках драматургической гипотезы о несовпадении изображения и изображаемого, подлинной и демонстрируемой реальности.

Книга «Представление себя другим в повседневной жизни» стала социологическим бестселлером и была переиздана уже через три года после первой публикации. Мало кто обратил внимание на небольшое дополнение, внесенное автором при переиздании. «Язык и маски сцены отбрасываются, – добавил Гофман в заключительной части. – Настоящее исследование на самом деле не интересовали элементы театра, которые проникают в повседневную жизнь. Его интерес был сосредоточен на структуре социальных контактов,

² Г.С. Батыгин предложил перевести название этой статьи – в оригинале «On Cooling the Mark Out. Some Aspects of Adaptation to Failure» – как «Трезвое отношение к видимостям» (См. [2]). Х. Абельс в переводе на немецкий использовал выражение «Хладнокровная разметка» [1]. Однако и в том и в другом случае не передается акцент на «приведении в чувство» (cooling out) «жертвы» (the mark). Слово «mark» заимствуется из сленга уличных преступников и дословно переводится как «лох», «кинутый». Гофман намеренно использует жаргонную лексику в названии статьи. В этом проявляется его приверженность традициям городской этнографии, маскирующейся под наивное, атеоретичное описание.

непосредственных взаимодействий между людьми... Ключевой фактор в этой структуре – поддержание какого-то единого определения ситуации» [6, с.302].

Отход Гофмана от театральной метафоры и принципов социально-драматургического анализа начинается именно тогда, когда эти принципы обретают популярность. На тот же период – начало 60-х годов – приходится и взлет академической карьеры создателя социальной драматургии.

В 1962-м Гофман стал профессором университета Беркли, куда четырьмя годами ранее его пригласил преподавать отец-основатель символического интеракционизма Герберт Блумер. Еще до переезда в Беркли Гофман задумывает исследование по социологии психиатрии: с 1955 г. он числится ассистентом профессора Эдварда Шиллза и проводит серию полевых наблюдений в вашингтонском госпитале Св. Элизабет (где работает «под прикрытием» помощником старшего физрука). В Беркли он продолжает заниматься этой темой: предмет его интереса – «моральная карьера» душевнобольного пациента, распорядок жизни «тотального института», процессы «стигматизации» в стенах лечебного заведения.

В исследовательской оптике, разработанной Гофманом, «безумие» напрямую связано с «местом». Место – это институционально оформленный «локус производства» душевной болезни. На идее социального производства безумия выстроена и теория девиации, предложенная Гофманом в книге «Стигма» [17].

«Безумие места» – так называется одна из последних работ Гофмана, посвященная исследованию психиатрических клиник [13]. К моменту ее публикации тема социологии душевных болезней в гофмановских текстах приобретает особое звучание: в 1964 г. после продолжительного психического расстройства покончила с собой жена Гофмана Анжелика. Сам Гофман, по свидетельствам людей, близко знавших его, страдал патологической склонностью к азартным играм. Он весьма успешно играл на бирже и далеко не столь же успешно – в казино. (Страсть к игре сочеталась в нем со вспыльчивостью и неуравновешенностью характера: например, в Манчестере, куда он приехал читать лекции, Гофман был задержан местной полицией за драку в игровом клубе; и это далеко не единственный прецедент такого рода.)

Со склонностью к азартным играм Гофман борется собственным «проверенным способом»: он делает их предметом социологического анализа. Задумывая проект исследования казино как мест «производства азарта», он прошел курсы подготовки на крупье-блэкджекера в одном из самых крупных игровых заведений Лас-Вегаса – «Station Plaza Casino». Но этой гофмановской разработке не суждено было осуществиться; проект остался в черновиках и набросках, хотя к идее азартной игры как к теоретической метафоре исследования социальной жизни Гофман прибегал затем неоднократно.

По мере обращения к теории игр и иным ресурсам описания повседневных взаимодействий Гофман отдаляется от драматургического анализа. Если некоторые положения социальной драматургии и близки символическому интеракционизму, то увлечение антропологическими исследованиями обыденных «ритуалов», обнаружение «стратегического слоя» в повседневной коммуникации и стремление к формализации языка микросоциологии – тенденции, проявившиеся в творчестве Гофмана за время его пребывания в Беркли, – отдалили его от символических интеракционистов. (Неудивительно, что впоследствии именно из лагеря бывших соратников на него обрушился сокрушительный поток критики [10, 15].)

На протяжении долгого времени никакая другая «большая теория» не предлагается им взамен социальной драматургии. Гофман словно «пробует на вкус» самые разные

теоретические разработки, пытаясь синтезировать новую перспективу исследования. Зачастую этот поиск выглядит крайне эклектичным из-за гофмановского коронного приема – радикального смешения конечных словарей описания социальной жизни. На страницах его текстов понятия из словаря азартных игр («ставка», «шанс», «пари», «джек-пот», «блеф») соседствуют с традиционными социологическими определениями и заимствованиями из разговорного языка или сленга («прикид», «жертва», «сборище», «манера», «лицо»), которые из-за такого соседства приобретают статус концептов. Благодаря смешению рождаются новые метафорические конструкции, прокладываются новые каналы терминологического импорта – через них в язык социологического описания проникают юридическая, шахматная, анимационная и криптографическая терминологии, выражения секретных агентов, дипломатов, крупье и уличных аферистов.

Другая отличительная черта гофмановского теоретизирования в том, что используемые им метафоры *совместимы*, но не *согласованы*. Совместимость – это способность формировать общий образ. Например, теоретические метафоры «взаимодействие как азартная игра» и «выбор сценария поведения как стратегическое действие» совместимы, они позволяют лучше понять, как устроена повседневная коммуникация. В то же время две эти метафоры несогласованны – они не соотнесены с более общим концептом. Поэтому у Гофмана нет своей «большой базовой метафоры», которыми изобилует социологический дискурс: «общество как организм», «общество как система», «общество как конструкция», «социальная жизнь как конфликт», «социальная жизнь как текст» и т.д.³ Используемые им концепты не образуют общей рамки теоретизирования, потому что встроены в разные метафорические ряды. Они отсылают не друг к другу, а к иным концептам и доконцептуальным интуициям, которые локализованы за гранью собственно социологической коммуникации и становятся доступны социологическому рассуждению только благодаря метафорам.

Указание на метафорическую концептуализацию позволяет объяснить истоки «миграции понятий» гофмановской социологии, частое пересечение ими границ предметных и дисциплинарных областей. В этом, видимо, кроется причина маргинальности теорий Гофмана: метафорическая концептуализация имеет вид «X как Y», где собственно социологическим предметом, требующим осмысления, является «X», а «Y», благодаря которому «X» становится доступным социологическому исследованию, не принадлежит множеству социологических концептов. Отсюда смещение внимания – уход в теорию игр («социальная жизнь как азартная игра»), в теорию кинематографа («социальная жизнь как совокупность скадрированных и смонтированных отрезков деятельности»), в театральное искусство («социальная жизнь как управление впечатлениями») и т.д. Возможно, поэтому тексты Гофмана до сих пор вызывают сомнения в дисциплинарной принадлежности их автора.

Период работы в Беркли – вероятно, самый продуктивный для Гофмана-теоретика. Он находит для себя новый ресурс концептуализаций в социолингвистике, теории речевых актов и философии обыденного языка. С лингвистом и философом Джоном Серлем он общается гораздо активнее, чем со своими коллегами по факультету: Сеймуром М. Липсетом, Кингсли Дэвисом, Нэйлом Смелзером, Натаном Глэйзером.

В 1966 г. Гофман проводит свой очередной «академический год» в Гарварде, где завязывает отношения с Томасом Шеллингом, экономистом, исследователем конфликтов (спустя 45 лет, в 2005 г., за цикл исследований «стратегического поведения конфликтующих сторон» [22] Т. Шеллинг будет удостоен Нобелевской

³ Исключение здесь составляет первая книга Гофмана «Представление себя другим», где последовательно разворачивается театральная драматургическая метафора («социальное взаимодействие как театральное представление»).

премии по экономике). Гофман подолгу обсуждает с ним конститутивную природу социальных правил – будь то «правила игры» или «правила языка». Эти беседы затем найдут отражение в книге И. Гофмана «Стратегическое взаимодействие» («Strategic interaction»). На какую бы область знания ни был обращен его взгляд – психологию, лингвистику или экономику, – Гофман обнаруживает в ней продуктивные концептуальные построения, задающие новые перспективы исследования привычных для микросоциологии феноменов.

Интерес к речевым аспектам повседневного взаимодействия передается его студентам Харви Саксу и Эммануэлю Щеглофф, будущим создателям «конверсативного анализа» (conversational analysis, CA). Задача, которую ставит перед собой это направление – обнаружить в самой структуре коммуникации (в «диалогической пристройке» говорящих друг к другу, в чередовании «партий», в жестовом сопровождении речи) основания социального порядка, – была сформулирована не без влияния Гофмана; хотя и заметно позже. Позже, потому что отношения у Гофмана со своими студентами не складываются – каким бы сильным ни было его интеллектуальное воздействие, он оказывается весьма нетерпимым и «жестким» научным руководителем (одна из причин, по которой у него были ученики, но никогда не было своей «школы»). Сакс в конечном итоге делает выбор в пользу другого «культового» преподавателя, Гарольда Гарфинкеля, и конверс-анализ приобретает свои очертания как исследовательское направление уже в лоне этнометодологии.

За годы работы в Беркли Гофман опубликовал несколько книг («Поведение в публичных местах: заметки о социальной организации сборищ», «Стратегическое взаимодействие», «Отношения на публике: микроисследования общественного порядка») [12, 16, 18], а также около десятка статей; большая их часть была издана в 1968 г. в сборнике «Ритуал взаимодействия» [14]. Параллельно с этим он работает над фундаментальным трудом, которому суждено было стать его *Opus Magnum*, основанием теоретической программы «позднего Гофмана» – «Анализом фреймов». На его создание ушло около десяти лет.

Фрейм – понятие, услышанное Гофманом впервые в 50-х годах на лекции Грегори Бейтсона, психолога, антрополога, этолога, когнитивиста. Бейтсон попытался синтезировать идеи феноменологии и прагматизма с достижениями теоретической логики (теорией логических типов Б. Рассела), лингвистики (гипотеза лингвистической относительности Уорфа-Сепира) и «когнитивной революции» (исследования коммуникации в кибернетическом ключе). В его работе «Теория игры и фантазии» [3] термин «фрейм» служит одновременно для указания на контекстуальность некоторого действия и для определения структурных особенностей повседневной коммуникации. Важнейшей из таких особенностей является использование метакоммуникативных и металингвистических сообщений.

Так, наблюдая за поведением обезьян в зоопарке Сан-Франциско, Бейтсон обнаружил и описал характерные метакоммуникативные знаки, которые использовали особи, играющие в драку. Сама возможность игры существует только благодаря сообщению «это игра», которым обмениваются взаимодействующие. Данное сообщение метакоммуникативно – оно требует взгляда извне взаимодействия, указания на его контекст. «Сигналы, – пишет Бейтсон, – которыми обмениваются в контексте игры, ... парадоксальны дважды: во-первых игривый прикус не означает того, что означал бы замещаемый им укус, а во-вторых – сам укус вымыслен. Играющие животные не только не вполне имеют в виду то, что сообщают, но также и сама коммуникация происходит по поводу того, что не существует» [3, с.210].

Мир игры организован по своим собственным правилам: в нем реально то, что не существует «на самом деле». Однако реальность эта «заключена в скобки», а, следовательно,

требуется действие расстановки скобок – действие, утверждающее границы контекста. В терминологии Бейтсона таковым действием является «сообщение о границах», «уговор», «инструкции», указание на то, что все последующие действия должны восприниматься иначе, чем предыдущие. Игра, как особый контекст действия, требует предварительного уговора: «Это – игра». «Любое сообщение, – резюмирует Г. Бейтсон, – эксплицитно или имплицитно устанавливающее фрейм, в силу самого этого факта дает инструкции получателю либо способствует его усилиям понять сообщения, заключенные во фрейм» [3, с.215].

Например, в данной статье иллюстрацией трех различных типов фреймирования текста может служить способ визуального разграничения теоретических описаний, изложения событий биографического характера и цитат.

1. Когда речь идет о специфике теоретических конструкций или делается попытка прояснить то или иное понятие, текст визуально не выделяется никаким особым способом.
2. Когда от «выражения» мы переходим к «указанию» и изложение переключается из теоретического фрейма в биографический, вместе с содержанием текста меняется его оформление – отступ строки и поля.
3. Наконец, сильнее всего визуально от основного текста отграничены большие цитаты, представляющие собой обособленные текстуальные «вставки». Здесь меняется не только отступ и поля, но и кегль текста.

Три фрейма вкладываются друг в друга на манер матрешки, и эта иерархичность не является «содержательно нейтральной» (как если бы речь шла исключительно о «внешних» средствах представления текста), но отражает приоритетность и со-подчиненность режимов изложения материала. К описанным различиям форматов организации текста следует добавить пропуски строк, звездочки «***», разбивку на абзацы, вынесение текста в сноски (а также заключение фраз в кавычки и скобки) и многие другие техники фрагментации, задающие специфический ритм коммуникативного сообщения – статьи.

Г. Бейтсон предложил два вида аналогий для описания фрейм-аналитического исследования: аналогию рамы картины и аналогию математического множества.

Первый шаг к определению фрейма, – пишет Бейтсон, – может состоять в высказывании, что он (фрейм) является классом или ограничивает класс (множество) сообщений (осмысленных действий). Тогда игра двух индивидуумов при определенных обстоятельствах будет определяться как множество всех сообщений, которыми они обменялись за ограниченный период времени... В теоретико-множественной схеме эти сообщения будут представляться точками, а «множество» может очерчиваться линией, отделяющей их от других точек, представляющих неигровые сообщения [3, с.214].

Если по обе стороны «границы» находятся сообщения одного «логического типа» (здесь Бейтсон апеллирует к категориальному аппарату теории логических типов Рассела), то речь идет о партикулярном фрейме («игра двух молодых орангутангов»); если же границы контекста совпадают с границами логического типа и, например, множество игровых сообщений отделяется от множества неигровых, – значит, перед нами пример метаконтекста («игра»). Эпизоды одной игры могут осуществляться в разных фреймах (имитация погони, имитация драки, имитация капитуляции), но принадлежат они общему метаконтексту. Иными словами, метаконтекст – это фрейм, охватывающий все фреймы, принадлежащие одному логическому типу.

Трудность здесь состоит в том, что аналогия, заимствованная из теории множеств, чрезмерно абстрактна и неизменно заводит все последующие рассуждения в область формальной логики. Она не дает представления о фрейме как о «реально существующем» контексте. Фрейм настолько реален, насколько распознается участниками взаимодействия

или аналитиком. Подтверждением «распознаваемости» фрейма для Бейтсона служит наличие соответствующих понятий в словаре: «игра», «фильм», «работа», «интервью» – все они отсылают к тому или иному множеству контекстуально организованных действий.

Другой способ метафорического описания фрейма – его сравнение с рамой картины. Впрочем, и такое сравнение не лишено недостатков.

Если аналогия с математическим множеством, возможно, чрезмерно абстрактна, – заключает Бейтсон, – то аналогия с рамой картины чересчур конкретна. Концепт, который мы стараемся определить, не является ни физическим, ни логическим. Скорее фактические физические рамы добавляются к физическим картинам из-за того, что человеческим существам легче действовать в мире, где некоторые из их психологических характеристик экстерииоризированы [3, с.214].

Бейтсоновская трактовка фрейма как относительно независимого от своего содержания контекста сообщения закрепляется в социальной теории и дает начало собственно социологическому исследованию организации контекстов повседневных/неповседневных взаимодействий. Гофман первоначально отталкивается именно от такой интерпретации. Однако у фрейма в гофмановском прочтении появляется новая черта. Фрейм определяется им и как синоним «ситуации», и как синоним «определения ситуации»; это одновременно и «матрица возможных событий», которую таковой делает «расстановка ролей», и «схема интерпретации», присутствующая в любом восприятии. Гофман находит следующий выход:

Мы принимаем соответствие или изоморфизм восприятия структуре воспринимаемого несмотря на то, что существует множество принципов организации реальности, которые могли бы отражаться, но не отражаются в восприятии. Поскольку в нашем обществе многие находят это утверждение полезным, к ним присоединяюсь и я [4, с.86].

Этот теоретический ход делается Гофманом с единственной целью – преодолеть «декартову пропасть» между субъектом и объектом. Фрейм у Гофмана оказывается универсальной объяснительной категорией – он и «внутри» и «снаружи», и воспринимаемое и средство интерпретации воспринятого. Социальная жизнь и схемы ее распознавания индивидом структурно изоморфны.

Фреймы организованы в системы фреймов (frameworks, гофмановское именование метаконтекстов). Среди систем фреймов «онтологическим приоритетом» обладают первичные или базовые системы фреймов, за которыми не скрывается никакая другая «настоящая» интерпретация. Первичные системы фреймов – это и есть «настоящая реальность». Однако при всей их значимости, первичные системы фреймов, составляющие фундамент мира повседневности, не находятся в центре внимания Гофмана. Его гораздо больше занимают возможности трансформации, преобразования «настоящей, живой деятельности» в нечто пародийное, поддельное, «ненастоящее». Такую трансформацию он – по аналогии с музыкальным термином – называет транспонированием. В приведенном выше примере с кружкой пива на киноэкране хорошо заметна «работа транспонирования»: чтобы кружка транспонировалась из одного сегмента реальности (мир повседневности) в другой ее сегмент (кинореклама), требуются умелые декораторы и подходящий реквизит – стеклянная кружка, глицерин и пена для бритья – иначе транспонирование окажется неудачным, и «переведенный» предмет будет выглядеть неубедительно. Возникнет чувство фальши, которое нам знакомо по неудачно транспонированным эпизодам в повседневной жизни (например, жеманное приветствие двух девочек-подростков, транспонированное из очередного сериала, или откровенно избыточный пересказ мыслей автора, транспонированных в текст рецензии). Транспонироваться могут материальные предметы, события, эпизоды деятельности, сообщения.

Гофман формулирует следующее любопытное заключение: *наибольшим «потенциалом транспонированности» обладает деятельность, сама явившаяся результатом*

транспонирования [4, с.143]. Так, событие «доклад на конференции» представляется «простым», нетранспонированным событием, интерпретируемым в базовой системе фреймов. Однако если содержание доклада – это произнесение вслух откровенной бессмыслицы (в духе какой-нибудь теории «антиязыка», изложенной замысловатыми «антисловами»), можно говорить о специфическом транспонировании события доклада, разрушении границ его смысловой определенности за счет перенесения в иной, неакадемический (клинический?) фрейм. Если же допустить, что докладчик – не клинически больной человек, а умелый провокатор, намеренно вызывающий негодование аудитории, чтобы привлечь к себе внимание, тогда к уже свершившемуся транспонированию прибавится еще один слой (*lamination*): провокатор изображает идиота, изображающего докладчика. Теперь предположим, что у провокатора есть сообщник, фиксирующий все проявления замешательства, возмущения или демонстрации задумчивого понимания в аудитории, а по периметру помещения расставлены скрытые камеры, обеспечивающие исследователя научных коммуникаций бесценным полевым материалом. Структура фрейма еще раз усложнится: провокатор не просто провоцирует аудиторию, изображая сумасшедшего, прикидывающегося ученым/философом; событие транспонируется в новый фрейм (не академический, но вполне «научный») – фрейм полевого эксперимента.

Двойственность, заложенная Гофманом в базовую дефиницию «фрейма», сообщает этой исследовательской категории некоторую двусмысленность, которая хорошо заметна на примере использованного нами выше определения «доклад на конференции». Определение это сходным образом применялось и к событию, и к фрейму его распознавания, т.е. к «ячейке» интерпретативной схемы. Возникающий здесь парадокс – в каком отношении находятся событие и фрейм его идентификации? – сам Гофман обходит вниманием, ограничиваясь констатацией «изоморфизма восприятия в структуре воспринимаемого». Из этой констатации, в частности, следует, что между реально свершающимися событиями и формами их идентификации наблюдателями нет «зазора» – изучая то, как люди идентифицируют события, мы получаем достоверные знания об организации самих событий. А потому исследование событийного строения социальной реальности оказывается или излишним, или невозможным: вполне достаточно анализа схем вычленения и идентификации событий. Впрочем, Гофман не делает такого заключения. К этому выводу приходит другое наследующее фрейм-анализу исследовательское направление – когнитивная социология.

Стоит обратить внимание на одно любопытное отличие исследовательской программы «позднего» Гофмана от его ранних социально-драматургических работ. Драматургическая оптика предписывает исследователю различие «настоящей» и «ненастоящей» реальности: есть означаемое (например, кружка с пивом), и есть означающее, нечто, существующее «не взаправду» (кружка с глицерином). Следует отличать игру актеров от тех событий, которые ими разыгрываются. На первый взгляд, фрейм-анализ идет по этому же пути, разводя первичные системы фреймов и фреймы «превращенных», транспонированных событий. Благодаря трансформации контекстов драка становится боксом, погоня – бегом, война – учениями, политические дебаты – инсценировками дебатов по заготовленным сценариям, а полет самолета – демонстрацией полета самолета; тогда как события в данных ситуативных контекстах связываются отношениями сигнификации. Например, событие «передислокация войск» может произойти в двух разных контекстах (фреймах): «военные действия» или «учения». Во втором случае оно будет рассматриваться как результат переключения фреймов, то есть, как знак, заместитель настоящей передислокации. Событие «Отелло убивает Дездемону» может быть частью «спектакля» или «репетиции». Второй контекст регламентирует происходящее менее жестко, не требуя от актера той самоотдачи, которая потребуется от него на премьере, потому что репетиция – это *макет* спектакля, а «репетиция убийства» представляет собой репрезентацию, призванную замещать событие «убийства Дездемоны» до премьеры.

Однако в какой мере означаемое событие само лишено знаковых компонентов? Можно ли с уверенностью сказать, что за ним уже не скрывается никакое другое, «более подлинное»

событие? Например, контекст «спектакль», очевидно, не является конечным. Событие, изображенное на сцене, может быть рассмотрено как знак изображаемого события, взятого из «непридуманной жизни». Иными словами, событие X является знаком события Y, которое, в свою очередь оказывается знаком события Z. «Когда мы считаем что-либо нереальным, – пишет Гофман, – мы иногда не учитываем, что реальность не обязательно должна быть очень уж “реальной”; с таким же успехом она может быть как инсценировкой событий, так и самими этими событиями, а может быть репетицией репетиции или репродукцией оригинального изложения. Любое из изображений может быть, в свою очередь, создано путем копирования нечто такого, что само является макетом, и это наводит нас на мысль, что суверенным бытием обладает отношение, а отнюдь не субстанция. (Бесценная авторская акварель, хранимая по соображениям безопасности в папке с репродукциями, оказывается в данном контексте лишь репродукцией)» [4, с.677].

Этот вывод книги оказывается решающим шагом релятивизации, разрушающим исходное различие первичных и вторичных фреймов. События повседневной и неповседневной жизни теперь неразличимы, и в каждом из них есть что-то от бодрийеровских симулякров. Неслучайно один из ярких представителей постмодернистской философии Ф. Джеймисон высоко оценил «Анализ фреймов», усмотрев в нем...

...доказательство того, что значения в мире повседневности суть проекции структур или форм опыта. Это исследование насквозь семиотично, поскольку ставит перед собой задачу создания чего-то вроде грамматики и системы квази-синтаксических абстракций для анализа социальной жизни... В некоторых аспектах его стратегия совпадает со стратегией франко-итальянской школы семиотики, использующей метафорическое приложение лингвистических категорий к сложным культурным феноменам [19, р.44-45].

«Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта» увидел свет в 1974 г., когда Гофман уже покинул университет Беркли. В 1971 г. он последний раз меняет место преподавания и перебирается в Университет штата Пенсильвания, где занимает кафедру социологии и антропологии им. Бенджамена Франклина. Фактически он становится самым высокооплачиваемым профессором социологии в США, зарабатывая чтением лекций порядка 30 000 долларов в год. Однако отношения с коллегами у него не складываются – как ранее не складывались они с однокурсниками, а затем – с учениками. Большую часть времени он проводит в своем кабинете, в здании университетского Антропологического музея.

В это время он завершает работу над «Анализом фреймов»: по структуре книги заметно, как социолингвистическая проблематика и вопросы организации повседневных коммуникаций в ходе работы завладевают вниманием автора сильнее, чем исходная проблема форматирования социального опыта. Неудивительно, что появление «Анализа фреймов» социолингвисты встретили с большим воодушевлением, чем социологи.

Теорию фрейм-анализа ждал холодный прием в социологическом сообществе. Для символических интеракционистов эта книга Гофмана означала его окончательный разрыв с исследованиями символически опосредованных форм повседневных коммуникаций. Для этнометодологов стала иллюстрацией банкротства и эмпирического бессилия «формальной социологии». Молодыми конверс-аналитиками была воспринята как неудачный эксперимент по скрещиванию микросоциологии с прагматикой дискурса. Впрочем, авторитет Гофмана в тот момент был столь высок, что вряд ли скептическое отношение коллег к фрейм-анализу могло ему чем-либо повредить. Признание анализа фреймов (не в последнюю очередь благодаря его востребованности в социолингвистических исследованиях) произошло позже, уже перед смертью Гофмана.

В университете Пенсильвании Гофман учит последнее поколение своих студентов. Среди них – Эвиатар Зерубавель, будущий социолог-когнитивист, автор теории когнитивного конструирования времени [24]. Он, пожалуй, единственный современный теоретик, чьи работы наследуют непосредственно фрейм-аналитической традиции исследований, заложенной Гофманом.

Все, что Гофман пишет после издания «АФ», – это развитие идей фрейм-анализа в направлении дальнейшего синтеза микросоциологии, теории коммуникации и когнитивной лингвистики. Наиболее значимые его статьи последнего периода творчества собраны в книге «Формы разговора» (“Forms of Talk”). Среди них – статья «Лекция», которая написана по материалам «лекции о лекциях», прочитанной Гофманом в Университете Мичигана (этот текст впервые публикуется на русском языке в настоящем номере «Социологического обозрения»).

В 1981 г. Гофман женился на лингвистке Джиллиан Занкофф, год спустя у них родилась дочь Элис. В том же году его избрали президентом Американской социологической ассоциации. Однако прочитать ежегодное президентское послание Гофман не успел. Он надиктовал его, лежа в больнице, куда был госпитализирован с диагнозом «рак желудка». Послание он озаглавил «Порядок взаимодействия» [5] – точно так же, как называлась последняя глава его диссертации о коммуникативном поведении островитян. Этим жестом он связал исследовательскую программу фрейм-анализа со своими ранними социально-драматургическими работами, указав на общую точку их фокусировки – исследование устойчивых интеракционных порядков в перспективе «sub specie aeternitatis», с точки зрения вечности.

Ирвинга Гофмана не стало 20 ноября 1982 г.

Событие смерти – событие абсолютное; оно ставит точку в биографическом повествовании⁴. Всякая попытка продолжить нарратив «о Гофмане» после фразы о его смерти автоматически помещает сказанное в жесткий фрейм некролога. Чего нам искренне хотелось бы избежать. Ведь теоретик сохраняет свое присутствие в повседневном обиходе научной коммуникации и после смерти; он становится знаком, маркером собственных теоретических конструкций и аналитических схем. Его имя отсылает к созданному им. Впрочем, Гофману с этим повезло меньше – как справедливо замечает Ч. Лемерт в своей статье «“Гофман”»: «Слово “Гофман” в памяти теоретика пробуждает рассуждения столь особые, что он вряд ли знает, как с ними поступить» [20, р.IX]. В повседневности теоретической дискуссии имя Гофмана функционирует как «плавающий знак», не привязанный к какому-либо однозначно идентифицируемому референту.

И в то же время такое «коммуникативное присутствие» ушедшего автора, его зримое влияние на ход современных дебатов создают иллюзию «вечной жизни»: разработанные им аналитические конструкции уже пущены в обращение, они могут изнашиваться и приходить в негодность от частого употребления, могут обесцениваться в результате «инфляции концептов», но «изъять» их из обихода науки, не нарушив самой логики научной коммуникации, невозможно. Так имя теоретика сохраняет свою связь с «живым настоящим» дисциплины благодаря его исследовательским разработкам. Один из студентов Гофмана, конверс-аналитик Эммануэль Щеглофф замечает:

...я не собираюсь ни канонизировать, ни чествовать Гофмана. Скорее я пытаюсь продолжить спор с ним и таким образом сохранить критическое отношение к его идеям, которые могут и дальше приносить дивиденды. Ибо мы, безусловно, еще не закончили учиться по оставленным им работам [21, р.176].

Данное суждение кажется нам достаточно прочной «опорой» (footing) для того, чтобы поставить здесь внешнюю, закрывающую этот текст «скобку».

⁴ Но поскольку в структуре данного текста биографическое повествование встроено в теоретическое, в терминах самого Гофмана уместнее говорить не о «точке», а о «закрытии внутренней скобки».

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абельс Х.* Интеракция, идентичность, презентация. Введение в интерпретативную социологию / Пер. с нем. под общ. ред. Н.А. Головина и В.В. Козловского. СПб.: Алетейя, 1999.
2. *Батыгин Г.С.* Континуум фреймов: социологическая теория Ирвинга Гофмана // Гофман И. Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта / Под ред. Г.С. Батыгина и Л.А. Козловой; вступ. статья Г.С. Батыгина. М.: Институт социологии РАН, 2003.
3. *Бейтсон Г.* Экология разума. Избранные статьи по антропологии, психиатрии, эпистемологии / Пер. с англ. М.: Смысл, 2000.
4. *Гофман И.* Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта / Под ред. Г.С. Батыгина и Л.А. Козловой; вступ. статья Г.С. Батыгина. М.: Институт социологии РАН, 2003.
5. *Гофман И.* Порядок взаимодействия / Пер. с англ. А.Д. Ковалева // Теоретическая социология: Антология / Сост. С.П. Баньковская. Т. 2. М.: Аспект-Пресс, 2002.
6. *Гофман И.* Представление себя другим в повседневной жизни / Пер. с англ. и вступ. статья А.Д. Ковалева. М.: Канон-Пресс-Ц, Кучково поле, 2000.
7. *Гофман Э.* Символы классового статуса // Логос. 2003. №4-5.
8. *Уорнер У.* Живые и мертвые. М.: Университетская книга, 2000.
9. *Хайдеггер М.* Вещь // Хайдеггер М. Время и бытие: статьи и выступления, М.: Республика, 1993.
10. *Denzin N., Keller Ch.* Frame Analysis Reconsidered // Erving Goffman. Vol. 4 / Ed. by G.A. Fine, G. Smith. L.: Sage Publications, 2000.
11. *Goffman E.* Asylums: Essays on the Social Situation of Mental Patients and Other Inmates. N-Y: Doubleday Anchor, 1961.
12. *Goffman E.* Behavior in Public Places: Notes on the Social Organization of Gatherings. Glencoe, The Free Press, 1963.
13. *Goffman E.* The Insanity of Place // Psychiatry: Journal of Interpersonal Relations. 1969. Vol. 32. N4.
14. *Goffman E.* Interaction Ritual: Essays on Face-to-Face Behavior. N-Y: Anchor, 1967.
15. *Goffman E.* A Reply to Denzin and Keller // Erving Goffman. Vol. 4 / Ed. by G.A. Fine, G. Smith. L: Sage Publications, 2000.
16. *Goffman E.* Relations in Public: Microstudies of the Public Order. N-Y: Basic Books, 1971.
17. *Goffman E.* Stigma: Notes on the Management of Spoiled Identity. Englewood Cliffs. New Jersey: Prentice-Hall, 1964.
18. *Goffman E.* Strategic Interaction. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1969.
19. *Jameson F.* On Goffman's Frame Analysis // Erving Goffman: Vol. 4 / Ed. by G.A. Fine, G. Smith. L: Sage Publications, 2000.
20. *Lemert Ch.* "Goffman" // The Goffman Reader / Ed. by Ch. Lemert, A. Branaman. Malden: Blackwell, 1997.
21. *Schegloff E.* Goffman and the Analysis of Conversation // Erving Goffman: Vol. 4 / Ed. by G.A. Fine, G. Smith. L: Sage Publications, 2000.
22. *Schelling T.* The Strategy of Conflict. Cambridge: Harvard University Press, 1960.
23. *Verhoven J.C.* An interview with Erving Goffman, 1980 // Erving Goffman: Vol. 1 / Ed. by G.A. Fine, G. Smith. L: Sage Publications, 2000.
24. *Zerubavel E.* The Fine Line: Boundaries and Distinctions in Everyday Life. N-Y: Free Press, 1991.